

Виктор Пелевин

Фокус-группа
(сборник рассказов)

ФТМ

Виктор Пелевин
Фокус-группа (сборник)

«ФТМ»

Пелевин В. О.

Фокус-группа (сборник) / В. О. Пелевин — «ФТМ»,

ISBN 978-5-4467-2775-9

В сборник вошли произведения:• Зигмунд в кафе• Краткая история пэйнтбола в Москве• Греческий вариант• Нижняя тундра• Святочный киберпанк, или Рождественская ночь-117.DIR• Timeout• Свет горизонта• Фокус-группа• Запись о поиске ветра• Гость на празднике Бон• Акико• Один вог• ГКЧП как тетраграмматон• Зомбификация• Джон Фаулз и трагедия русского либерализма• Икстлан – Петушки• Имена олигархов на карте Родины• Мост, который я хотел перейти

ISBN 978-5-4467-2775-9

© Пелевин В. О.

© ФТМ

Содержание

Греческий вариант	5
Зигмунд в кафе	5
Краткая история пэйнтбола в Москве	9
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виктор Олегович Пелевин

Фокус-группа (Сборник)

Греческий вариант

Зигмунд в кафе

За гладкими каменными лицами этих истуканов нередко скрываются лабиринты трещин и пустот, в которых селятся разного рода птицы.

Джозеф Лэвендер. «Остров Пасхи»

На его памяти в Вене ни разу не было такой холодной зимы. Каждый раз, когда открывалась дверь и в кафе влетало облако холодного воздуха, он слегка ежился. Долгое время никого не появлялось, и Зигмунд успел впасть в легкую старческую дрему, но вот дверь снова хлопнула, и он поднял голову.

В кафе вошло двое новых посетителей – господин с бакенбардами и дама с высоким шиньоном.

Дама держала в руках длинный острый зонтик.

Господин нес небольшую женскую сумочку, отороченную темным блестящим мехом, чуть влажным из-за растаявших снежинок.

Они остановились у вешалки и стали раздеваться – мужчина снял плащ, повесил его на крючок, а потом попытался нацепить шляпу на одну из длинных деревянных шишечек, торчавших из стены над вешалкой, но промахнулся, и шляпа, выскочив из его руки, упала на пол. Мужчина что-то пробормотал, поднял шляпу, повесил ее все-таки на шишечку и засуетился за спиной у дамы, помогая ей снять шубу. Освободясь от шубы, дама благосклонно улыбнулась, взяла у него сумочку, и вдруг на ее лице появилась расстроенная гримаса – замок на сумочке был раскрыт, и в нее набился снег. Дама укоризненно покачала шиньоном (мужчина виновато развел руками бархатного пиджака), вытряхнула снег на пол и защелкнула замок. Затем она повесила сумочку на плечо, поставила зонтик в угол, отчего-то повернув его ручкой вниз, взяла своего кавалера под руку и пошла с ним в зал.

– Ага, – тихо сказал Зигмунд и покачал головой.

Между стеной и стойкой бара, недалеко от столика, к которому направились господин с бакенбардами и его спутница, был небольшой пустой закуток, где возились хозяйские дети – мальчик лет восьми в широком белом свитере, усеянном ромбами, и девочка чуть помладше, в темном платье и полосатых шерстяных рейтузах.

Недалеко от них на полу лежал полуспущенный резиновый мяч.

Вели себя дети на редкость тихо. Мальчик возился с горой больших кубиков с цветными рисунками на боках – он строил из них дом довольно странной формы, с просветом в передней стене – постройка все время рушилась, потому что просвет выходил слишком широким и верхний кубик проваливался в щель между боковыми. Каждый раз, когда кубики рассыпались, мальчик некоторое время горестно ковырял в носу грязным пальцем, а потом начинал строительство заново. Девочка сидела напротив, прямо на полу, и без особого интереса следила за братом, возясь с горкой мелких монет – она то раскладывала их по полу, то собирала в кучку и запихивала под себя. Вскоре ей наскучило это занятие, она оставила монеты в покое, наклонилась в сторону, схватила за ножки ближайший стул, подтянула его к себе и стала двигать

им по полу, слегка подталкивая мяч его ножками. Один раз толчок вышел слишком сильным, мяч покатился в сторону мальчика, и его шаткое сооружение обрушилось на пол в тот самый момент, когда он собирался водрузить на его вершину последний кубик, на сторонах которого были изображены ветка с апельсинами и пожарная каланча. Мальчик поднял голову и погрозил сестре кулаком, в ответ на что она открыла рот и показала ему язык – она держала его высунутым так долго, что его можно было, наверное, рассмотреть во всех подробностях.

– Ага, – сказал Зигмунд и перевел взгляд на мужчину с бакенбардами и его даму.

Им уже подали закуски. Господин глотал устриц, уверенно раскрывая их раковины маленьким серебряным ножичком, и говорил что-то своей спутнице, которая улыбалась, кивала и отправляла в рот шампиньоны – она по одному цепляла их с блюда двузубчатой вилкой и внимательно разглядывала перед тем, как обмакнуть в густой желтый соус. Затем господин, звякая горлышком бутылки о край стакана, налил себе белого вина, выпил его и пододвинул к себе тарелку с супом.

Подошел официант и поставил на стол блюдо с длинной жареной рыбой.

Поглядев на рыбу, дама вдруг хлопнула себя ладонью по лбу и стала что-то говорить своему кавалеру. Тот поднял на нее глаза, послушал ее некоторое время и недоверчиво скривился, затем выпил еще один стакан вина и стал аккуратно заправлять сигарету в конический красный мундштук, который он держал между мизинцем и безымянным пальцем.

– Ага! – сказал Зигмунд и устался в дальний угол зала, где стояли хозяйка заведения и кряжистый официант.

Там было темно, вернее, темней, чем в остальных углах, – под потолком перегорела лампочка. Хозяйка глядела вверх, уперев в бока полные руки – из-за этой позы и фартука с разноцветными зигзагами она походила на античную амфору. Официант уже принес длинную стремянку, которая теперь стояла возле пустого стола. Хозяйка проверила, крепко ли стоит стремянка, задумчиво почесала голову и что-то сказала официанту. Тот повернулся и подошел к стойке бара, завернул за нее, наклонился и некоторое время совсем не был виден. Через минуту он выпрямился и показал хозяйке какой-то вытянутый блестящий предмет. Хозяйка энергично кивнула, и официант вернулся к ней, держа найденный фонарик в поднятой руке. Он протянул его хозяйке, но та отрицательно помотала головой и показала пальцем на пол.

В полу возле пустого столика был большой квадратный люк.

Он был почти незаметен из-за того, что его крышка была выложена паркетными ромбами, как и весь остальной пол, и догадаться о его существовании можно было только по двойному бордюру из тонкой меди, пересекавшему замысловатые паркетные узоры, и по утопленному в дереве медному кольцу.

Аккуратно подтянув брюки на коленях, официант сел на корточки, взялся за кольцо и одним сильным движением открыл люк. Хозяйка чуть поморщилась и переступила с ноги на ногу. Официант вопросительно поглядел на нее – она опять энергично кивнула, и он полез вниз. Видимо, под полом была короткая лестница, потому что он погружался в глубину черного квадрата короткими рывками, каждый из которых соответствовал невидимой ступени. Сначала он сам придерживал крышку, но, когда он спустился достаточно глубоко, хозяйка пришла ему на помощь – наклонясь вперед, она взялась за нее двумя руками и напряженно устала в темную дыру, где исчез ее напарник.

Через некоторое время белая куртка официанта, уже изрядно испачканная паутиной и пылью, снова возникла над поверхностью пола. Выбравшись наружу, он решительно закрыл люк и шагнул к стремянке, но хозяйка жестом остановила его и велела повернуться. Тщательно отряхнув его куртку, она взяла у него лампочку, подышала на ее стеклянную колбу и несколько раз нежно провела по ней ладонью. Шагнул к стремянке, она поставила ногу на ее нижнюю ступеньку, подождала, пока официант крепко ухватится за лестницу сбоку, и полезла вверх.

Перегоревшая лампочка располагалась внутри узкого стеклянного абажура, висевшего на длинном шнуре, так что лезть надо было не очень высоко. Поднявшись на пять или шесть ступенек, хозяйка просунула руку внутрь абажура и попыталась вывернуть лампочку, но та была ввинчена слишком прочно, и абажур стал поворачиваться вместе со шнуром. Тогда она зажала новую лампочку во рту, осторожно обхватив ее губами за цоколь, и подняла вторую руку, которой ухватила абажур за край; после этого дело пошло быстрее. Вывернув перегоревшую лампочку, она сунула ее в карман своего фартука и стала вворачивать новую.

Сильными руками сжимая лестницу, официант заворуженно следил за движениями ее пухлых ладоней, время от времени проводя по пересохшим губам кончиком языка. Вдруг под матовым абажуром вспыхнул свет, официант вздрогнул, зажмурился и на секунду ослабил свою хватку. Половинки лестницы стали разъезжаться; хозяйка взмахнула руками и чуть не полетела на пол, но в самый последний момент официант успел удержать лестницу; с неправдоподобной быстротой преодолев три или четыре ступеньки, бледная от испуга хозяйка спрыгнула на паркет и обессиленно замерла в успокаивающем объятии напарника.

– Ага! Ага! – громко сказал Зигмунд и уставился на пару за столиком.

Дама с шиньоном успела перейти к десерту – в ее руке была продолговатая трубочка с кремом, которую она понемножку обкусывала с широкой стороны. Когда Зигмунд поднял на нее глаза, дама как раз собралась откусить порцию побольше – засунув трубку в рот, она сжала ее зубами, и густой белый крем, прорвав тонкую золотистую корочку, выдавился из задней части пирожного. Господин с бакенбардами мгновенно среагировал, и вырвавшийся из пирожного кремовый протуберанец, вместо того чтобы шлепнуться на скатерть, упал в его собранную лодочкой ладонь. Дама расхохоталась. Господин поднес ладонь с кремовой горкой ко рту и в несколько приемов слизнул ее, вызвав у своей спутницы еще один приступ смеха – она даже не стала доедать пирожное и отбросила его на блюдо со скелетом рыбы. Слизав крем, господин поймал над столом руку дамы и с чувством ее поцеловал, а та подняла стоявший перед ним бокал с золотистым вином и отпила несколько маленьких глотков. После этого господин закурил новую сигарету – вставив ее в свой конический красный мундштук, он сделал несколько быстрых затяжек, а потом принялся пускать кольца.

Несомненно, он был большим мастером этого сложного искусства. Сначала он выпустил одно большое сизое кольцо с волнистой кромкой, а затем – кольцо поменьше, которое пролетело сквозь первое, совершенно его не задев. Помахав перед собой в воздухе, он уничтожил всю дымовую конструкцию и выпустил два новых кольца, на этот раз одинакового размера, которые повисли одно над другим, образовав почти правильную восьмерку.

Его спутница с интересом наблюдала за происходящим, машинально тыкая тонкой деревянной шпилькой в лежащую на тарелке голову рыбы.

Еще раз набрав полные легкие дыма, господин выпустил две тонкие длинные струи, одна из которых прошла сквозь верхнее, а другая сквозь нижнее кольцо, где они соприкоснулись и слились в мутный синеватый клуб. Дама зааплодировала.

– Ага! – воскликнул Зигмунд, и господин, повернувшись, смерил его заинтересованным взглядом.

Зигмунд снова стал смотреть на детей. Видно, кто-то из них успел сбегать за новой порцией игрушек – теперь, кроме кубиков и мяча, вокруг них лежали растрепанные куклы и бесформенные куски разноцветного пластилина. Мальчик по-прежнему возился с кубиками, только теперь он строил из них не дом, а длинную невысокую стену, на которой через равные промежутки стояли оловянные солдатики с длинными красными плюмажами.

В стене было оставлено несколько проходов, каждый из которых сторожило по три солдата – один снаружи, а двое – внутри. Стена была полукруглой, а в центре отгороженного ею пространства на аккуратно устроенной подставке из четырех кубиков помещался мяч – он опирался только на кубики и не касался пола.

Девочка сидела к брату спиной и рассеянно покусывала за хвост чучело небольшой канарейки.

– Ага! – беспокойно крикнул Зигмунд. – Ага! Ага!

На этот раз на него покосился не только господин с бакенбардами (он и его спутница уже стояли у вешалки и одевались), но и хозяйка, которая длинной палкой поправляла шторы на окнах. Зигмунд перевел взгляд на хозяйку, а с хозяйки – на стену, где висело несколько картин – банальная марина с луной и маяком, пейзаж с сумрачной расщелиной меж двух холмов и еще одно огромное, непонятно как попавшее сюда авангардное полотно – вид сверху на два открытых рояля, в которых лежали мертвые Бунюэль и Сальвадор Дали, оба со странно длинными ушами.

– Ага! – изо всех сил закричал Зигмунд. – Ага! Ага!! Ага!!!

Теперь на него смотрели уже со всех сторон – и не только смотрели. С одной стороны к нему приближалась хозяйка с длинной палкой в руке, с другой – господин с бакенбардами, в руке у которого была шляпа. Лицо хозяйки было, как всегда, хмурым, а лицо господина, напротив, выражало живой интерес и умиление. Лица приближались и через несколько секунд заслонили собой почти весь обзор, так что Зигмунду стало немного не по себе, и он на всякий случай сжался в пушистый комок.

– Какой у вас красивый попугай, – сказал хозяйке господин с бакенбардами. – А какие он еще слова знает?

– Много всяких, – ответила хозяйка. – Ну-ка, Зигмунд, скажи нам еще что-нибудь.

Она подняла руку и просунула кончик толстого пальца между прутьями.

– Зигмунд – молодец, – кокетливо сказал Зигмунд, на всякий случай передвигаясь по жердочке в дальний угол клетки. – Зигмунд – умница.

– Умница-то умница, – сказала хозяйка, – а вот клетку свою всю обгадил. Чистого места нет.

– Не будьте так строги к бедному животному. Это ведь его клетка, а не ваша, – приглаживая волосы, сказал господин с бакенбардами. – Ему в ней и жить.

В следующий момент он, видимо, ощутил неловкость оттого, что беседует с какой-то вульгарной барменшей. Сделав каменное лицо и надев шляпу, он повернулся и пошел к дверям.

Краткая история пэйнтбола в Москве

*Один Жан-Поль Сартра
имеет в кармане,
И этим сознанием горд,
Другой же играет порой
на баяне...*

Б.Г.

У искусства нет задачи благороднее и выше, чем пробуждать милосердие и снисходительную мягкость к другим. А они, как каждый из нас знает, заслуживают этого далеко не всегда. Недаром Жан-Поль Сартр сказал: «Ад – это другие». Это поистине удивительные слова – редко бывает, чтобы такое количество истины удавалось втиснуть в одно-единственное предложение. Однако, несмотря на всю свою глубину, эта сентенция недостаточно развернута. Чтобы она обрела окончательную полноту, надо добавить, что Жан-Поль Сартр – это тоже ад.

Я говорю об этом вовсе не для того, чтобы лишний раз отыметь французского философа-левака в пыльном кармане своего интеллекта. Просто надо ведь каким-то образом плавно перейти к людям, которые «играют на баяне», или, если перевести это выражение с представленного в милицейских словарях уголовного жаргона времен Транссиба и Магнитки, стреляют друг в друга из огнестрельного оружия.

Ну вот мы и перешли – надеюсь, что занятый мыслями о Сартре читатель не почувствовал при этом никаких неудобств.

Яков Кабарзин по кличке Кобзарь, лидер каменноостовской преступной группировки и крутой идейный сосковец криминального мира, несомненно, имел право относить себя к категории «стрелков». Правда, он уже давно не брал в руки оружия сам – но именно его воля, прошедшая через нервы и мускулы разнообразных быков, пацанов и прочих простейших механизмов, была причиной множества сенсационных смертей, детально описанных на первых страницах московских таблоидов. Ни одно из этих убийств не было вызвано его жестокостью или злопамятством – к крайним мерам Кобзаря побуждали только неумолимые законы рыночной экономики. По характеру он был снисходительно-мягок, в меру сентиментален и склонен прощать своих врагов. Это чувствовалось даже в его кличке, несколько необычной для блатной культуры, которая при выборе тотема предпочитает неодушевленные твердые предметы вроде утюга, гвоздя или глобуса.

Назвали его так еще в школе. Дело в том, что Кобзарь с детства сочинял стихи и, подобно многим известным историческим фигурам, считал главным в своей жизни именно поэзию, а не административную деятельность, за которую его ценили современники. Больше того, как поэт он пользовался определенным признанием – его стихотворения и поэмы, полные умеренного патриотизма, некрасовского социального пафоса (с не вполне ясным адресатом и отправителем) и любви к неприхотливо-неброской северной природе еще в советские времена появлялись во всяких альманахах и сборниках. «Литературная газета» пару раз печатала в разделе «Поздравляем юбиляров» заметки о Кобзаре, украшенные похуже на фоторобот паспортной фотографией (из-за особенностей своей работы Кобзарь не очень любил сниматься). Словом, в ряду угрюмых паханов эпохи миллениума Кобзарь занимал примерно такое место, которое принадлежало Денису Давыдову среди партизан двенадцатого года.

Поэтому неудивительно, что именно у такого человека появилось желание заменить кровавые огнестрельные разборки, при которых в одной только Москве кормилось не меньше тысячи журналистов и фотографов, на какую-нибудь более цивилизованную форму снятия взаимных претензий.

Эта мысль пришла Кобзарю в голову в только что открытом казино «Yeah, Бунин!», когда он, слушая вполуха известный шлягер «Братва, не стреляйте друг в друга», размышлял о русской истории и прикидывал, на красное или черное делать следующую ставку.

Так случилось, что в этот самый момент по телевизору, укрепленному для отвлечения игроков прямо над игорным столом, показывали какой-то американский фильм, где герои, отдыхая на природе, стреляли друг в друга разноцветной краской из ружей для пэйнтбола. Нождаданно программа переключилась, и на экране замелькали знаменитые кадры ограбления банка из фильма «Heat».

Кобзарь с грустью подумал, что жанр «экшн», который в цивилизованном мире разгружает замусоренное подсознание потребителей, поедающих перед телеэкраном свою пиццу, в доверчивой России почему-то становится прямым руководством к действию для цвета юности, и никто, ну абсолютно никто не понимает, что крупнокалиберные винтовки в руках у пожилых киногероев – просто седативная фрейдистская метафора. В этот момент проходивший мимо официант споткнулся, и из опрокинувшегося стакана на белый пиджак Кобзаря выплеснулся желтый поток яичного ликера.

Официант побледнел. В глазах у Кобзаря полыхнуло белым огнем. Он внимательно осмотрел желтое пятно на своей груди, поднял глаза на экран телевизора, потом опустил их на официанта и сунул руку в карман. Официант уронил поднос и попятился. Кобзарь вынул руку – в ней был мятый ком стодолларовых купюр и несколько крупных фишек. Впихнув все это в нагрудный карман официантского пиджака, он развернулся и быстро пошел к выходу, на ходу набирая номер на своем мобильном.

На следующий день по одному из подмосковных шоссе с большими интервалами пронеслось семь черных лимузинов с затемненными стеклами. Среди них был и золотой «Роллс-Ройс» с двумя мигалками на крыше. Вслед за каждой из машин ехали джипы с охраной. Стоявшая в оцеплении милиция сохраняла надменно-важное молчание, ходили дикие слухи, что где-то под Москвой проходит секретный саммит «большой восьмерки. Но знающие люди все поняли, узнав в золотом «Роллс-Ройсе» машину Кобзаря.

Пользуясь своим авторитетом духовного сосковца, Кобзарь за один вечер обзвонил лидеров семи крупнейших преступных группировок и назначил общую стрелку в известном подобными стрелками загородном ресторане «Русская Идея».

– Братья, – промолвил он, обводя горящими глазами пророка рассеившихся за круглым столом авторитетов. – Я уже не очень молодой человек. А если честно, так и совсем не молодой. И мне уже ничего не надо для себя. Хотя бы потому, что у меня давно все есть. Если кто-то хочет сказать, что это неправда, пусть он не тянет резину и скажет сейчас. Вот ты, Варяг. Может, ты думаешь, что у меня еще нет чего-то, что я хочу?

– Нет, Кобзарь, – ответил калининградский вор Костя Варяг, звавшийся так не из-за своей нордической внешности, как ошибочно думали многие, а потому, что украинская братва несколько раз приглашала его смотрящим в Киев, как когда-то Рюрика. – У тебя есть все. А если чего нет, так я про такие предметы не имею понятий.

– Скажи ты, Аврора, – обратился Кобзарь к авторитету из Питера.

– Чего же тебе еще хотеть, Кобзарь? – задумчиво отозвался Славик Аврора, который прославился в блатных кругах легендарным выстрелом из орудия по даче несговорчивого Собчака. – У тебя нет разве что своей космической станции. И то потому, что она тебе не нужна. А если бы тебе была нужна космическая станция, Кобзарь, я уверен, что она у тебя появилась бы. У тебя есть золотой «Ройс» с двумя мигалками на крыше, но меня не впечатляют эти мигалки. Такие же может поставить себе любой мусор. Меня впечатляет другое – ты единственный в мире, у кого на номере ваще все цифры нули. Так не может быть, но так есть. Значит, ты понял про жизнь что-то такое, чего не знаем мы. И мы уважаем тебя за это как старшего брата.

– Хорошо, – сказал Кобзарь, поняв, что величальный ритуал можно считать завершённым. – Все верят, что у меня все есть. Главное, я сам в это верю. Поэтому вы не станете думать, что мне надо сделать какой-то гешефт лично для себя. Я думаю о всей нашей семье, и на это время вы можете считать мой ум со всеми его мыслями нашим интеллектуальным общаком. Фишка вот в чем...

И Кобзарь изложил свою идею. Она была до примитивного проста. Кобзарь напомнил, что братва уже много раз пыталась окончательно разделить сферы влияния, и каждый раз новая война доказывала, что это невозможно.

– А невозможно это, – сказал он, – по той самой причине, по которой нельзя построить коммунизм. Этого не хочет наш самый главный папа, который добавил в глину, из которой нас слепил, много-много человеческого фактора...

И он выразительно кивнул вверх.

Соратники одобрительно загудели – слова Кобзаря всем понравились.

– Но, – продолжил Кобзарь, – каждый раз, когда хоронят кого-нибудь из пацанов, всем идущим за гробом – и друзьям, и вчерашним врагам – становится не по себе от горькой нелепости такой смерти.

Он обвел собравшихся выразительным взглядом. Все согласно кивали.

– Жизнь не остановить, – сказал Кобзарь, выдержав театральную паузу. – Что бы мы ни решили сейчас, все равно завтра мы будем заново делить этот мир. Чтобы в жилы поступала свежая кровь, надо, чтобы из них вытекала несвежая. Вопрос заключается в другом – зачем нам при этом взаправду умирать? Зачем нам помогать мусорам выполнять их тухлый план по борьбе с нами же самими?

На это никто не смог дать внятного ответа. Только казахстанский авторитет Вася Чуйская Шупа глубоко затянулся папиросой и спросил:

– А ты как предлагаешь умирать? Понарошку?

Вместо ответа Кобзарь вытащил из-под стола коробку, открыл ее и показал напрягшейся братве какой-то странный прибор. Внешне он был похож на модный чешский автомат «Скорпион», но был грубее и производил впечатление игрушки. Над стволом у него была трубка вроде оптического прицела, только толще. Кобзарь навел это странное оружие на стену и нажал спуск. Раздался тихий стрекот («Как плетка с глушаком», – пробормотал Славик Аврора), и на стене появились красные пятна – словно за обоями прятался стукач-дистрофик, которого наконец настигло возмездие.

В руках у Кобзаря был пистолет для пэйнтбола, стреляющий желатиновыми шариками с краской.

Его идея была гениальна и проста. Чтобы «решать вопросы», вовсе не обязательно было убивать друг друга на самом деле. Можно было заменить стрельбу боевыми патронами на стрельбу шариками для пэйнтбола – в том случае, если все стрелки, стремящиеся к переделу мира, добровольно согласятся взять на себя обязательство в случае условной гибели выйти из бизнеса, в течение сорока восьми часов покинуть Россию и не предпринимать никаких ответных действий. Словом, делать вид, что они действительно померли.

– Я думаю, нам всем есть куда уехать, – говорил Кобзарь, глядя в мечтательно сощурившиеся глаза соратников. – У тебя, Славик, свое шато в Пиренеях. У тебя, Костик, столько островов в Мальдивском архипелаге, что даже непонятно, почему эти люди до сих пор называют его Мальдивским. Кое-что есть и у меня...

– Мы знаем, Кобзарь, что у тебя есть.

– Так давайте выпьем за нашу спокойную старость. И давайте докажем этим лохам, что мы не банда щипачей с Курского вокзала, а действительно организованная преступность. В том смысле, что если мы организованно приступим к чему-нибудь, то сделаем, как захотим.

Через несколько часов соглашение было заключено. Его участников сильно волновал вопрос о контроле – и они сошлись на том, что любой, кто попытается его нарушить, будет иметь дело со всеми остальными.

Первым результатом соглашения был резкий скачок цен на оборудование для пэйнтбола. Владельцы двух магазинчиков, где продавались ружья и краска, сделали состояние за две недели. Их одуревшие от счастья рожи показали все телеканалы, а газета «Известия» в этой связи сделала осторожный прогноз о начале долгожданного экономического бума. Правда, коммерсанты вскоре разорились, потому что на все вырученные деньги закупили огромное количество используемого в пэйнтболе снаряжения – масок, комбинезонов и щитков, на которые не возникло спроса. Но об этом газеты уже не писали.

С некоторым напряжением в блатных кругах Москвы ждали, кто станет первой жертвой новой методики решения вопросов. Ею оказался представитель чеченской диаспоры Сулейман. Его расстреляли из трех машинок для пэйнтбола прямо у клуба «Каро», когда он шел от дверей к своему джипу за новой порцией кока.

Поскольку это было первым расстрелом по новым правилам, вся Москва ждала этого события, и происходящее снимали камерами с четырех или пяти точек. Пленку потом несколько раз показывали по телевидению. Выглядело это так. Сулейман, держа в руке сотовый телефон, подошел к машине. За его спиной непонятно откуда возникли три черные фигуры. Сулейман обернулся, и тут же по его зеленому бархатному пиджаку забарабанили желатиновые шарики.

Сразу стало ясно, что ребята облажались – все машинки стреляли зеленой краской и не оставляли никаких видимых следов на бархате того же цвета. Сулейман посмотрел на свой пиджак, потом на киллеров и, жестикулируя, принялся что-то им объяснять. Ответом был новый шквал зеленой краски. Сулейман отвернулся, склонился над дверью и попытался открыть ее (у него начинался отходняк, и он немного нервничал, поэтому никак не мог попасть в скважину ключом). Промедление и сгубило его. Телефон, который он держал в руке, вдруг зазвонил. Закрывая лицо свободной ладонью, он поднес его к уху, несколько секунд слушал, попытался было спорить, но потом, видимо, услышал что-то очень убедительное. Неохотно кивнув, он выбрал место почище и опустился на асфальт. Сделать это было самое время – у нападавших подходили к концу заряды.

Последовал контрольный выстрел, сделавший Сулеймана похожим на Рональда Макдональда с зеленым ртом. Бросив ружья на асфальт возле условного трупа, стрелки поспешно удалились. Оставлять машинки для пэйнтбола на месте экзекуции стало впоследствии своего рода шиком и считалось очень стильным, но делали так не всегда – оборудование стоило кучу денег.

Знающие люди говорили, что Сулейману позвонили крутые люди из Грозного, где процедуру экзекуции наблюдали через спутник в прямом эфире (понятно, что чеченская общественность участвовала в конвенции – без этого любое соглашение потеряло бы смысл). Некомпетентность московской мафии повергла чеченских телезрителей в шок: такого по грозненскому телевидению еще не показывали. «О какой совместной судьбе с таким народом может идти речь?» – спрашивали на другой день чеченские газеты.

Сулеймана погрузили в подъехавшую «скорую», а через день он уже лузгал семечки на Лазурном берегу. После этого первого блина, который чуть было не вышел комом, быстро выработались правила пэйнтбол-экзекуции, ставшие частью корпоративного кодекса чести. Оружие стали заряжать шариками с краской в последовательности «красный-синий-зеленый», чтобы результат был гарантирован при любом цвете одежды. Прямо на один из стволов (из-за невысокой дальности стрельбы киллеров обычно бывало несколько) крепили маленькую камеру, чтобы процесс расстрела был задокументирован.

Не все сразу соглашались считать себя мертвецами. Никто, конечно, не смел идти против авторитетов, утвердивших ритуал, но многие утверждали, что, будь это настоящие пули, их только ранило бы, а через неделю-две они бы выздоровели и сами «завалили гадов». Поэтому возникла необходимость в третейских судьях, на роль которых естественным образом попали те же авторитеты, которые и ввели новые правила.

Рассматривая пиджаки и плащи, порой привезенные на экспертизу за тысячи километров, они решали, кого грохнули, а кто будет жить и сможет через какой-то срок вернуться на столичную сцену. К этой работе они подходили ответственно: консультировались с синклитом хирургов и не лукавили, потому что знали – за базар придется ответить вискозой, фланелью и шелком на собственной груди.

Но все равно авторитетам верили не всегда. С тупой настойчивостью московская братва много раз пыталась пригласить в качестве главного эксперта Чака Норриса – как крупного специалиста по вышибанию мозгов и партнера по бизнесу. Тот вежливо отказывался, ссылаясь на большую занятость процессом, который в факсах обозначался как «shooting». И хоть по-английски это означало просто «съемки», братки, больше знакомые с первым значением термина, уважительно кивали небольшими головами – видимо, реальность не вполне делилась в их сознании на кинематографическую и повседневную.

Неизвестно, действительно ли Норрис был так занят, или ему просто запахло было считать пятна на пропахших бычьим потом пиджаках от Кензо и Кардена, хоть это и сулило его московскому бизнесу ошеломляющие перспективы.

Параллельно с этим происходили заметные сдвиги в культурной парадигме. Михаил Шуфутинский наконец оказался на помойке духа – не помог даже спешно изготовленный шлягер «Краски с Малой Спасской». В Москве и Петербурге в большую моду вошли ностальгический хит «Painter Man» группы «Boneu-M» и песня про художника, который рисует дождь, – она поражала воображение своей многозначительной и страшной неопределенностью. Эстеты, как и много лет назад, предпочитали «Red is a Mean, Mean Colour» Стива Харли и «Ruby Tuesday» в исполнении Мариан Фэйсфул.

«О пути, проделанном за эти годы Россией, – удовлетворенно писал критик одной из московских газет, – можно судить хотя бы по тому, что никто не станет искать (и находить! а ведь находили же когда-то!) в этих песнях политические аллюзии».

Любое упоминание красящих веществ в сочетании с немудреной мелодией вызывало в любом кабаке потоки покаянных слез и щедрые чаевые музыкантам, на чем самым пошлым образом паразитировала попса.

Новая мода приводила порой и к неприятным последствиям. Мику Джаггеру на концерте в зале «Россия» чуть не выбили глаз, когда во время исполнения «Paint it Black» он совершенно случайно приложил к плечу деку гитары, как приклад, – под восторженный рев публики на сцену килограммами обрушились снятые с шей золотые цепи, одна из которых оцарапала ему щеку.

Не обошлось и без уродливых недоразумений. Эротический еженедельник «МК-сутра» описал в редакционной статье нечто, названное «популярной молодежной разновидностью виртуально-колофонического эксгибитрансвестизма» под названием «Painted Balls». Из-за этого чуть не возник скандал с патриархией, где «МК-сутру» читали, чтобы знать, чем живет современное юношество. В последний момент удалось убедить иерархов, что в виду имеются совсем не те крашенные яйца и расцвету духовности в стране ничто не угрожает.

Но высшей точкой влияния пэйнтбола на культурную жизнь обеих столиц следует все же признать открытие нескольких психоаналитических консультаций, где оставляемые краской пятна интерпретировались как кляксы Роршаха, на основании чего условно выжившие жертвы получали научно обоснованное разъяснение подсознательных мотивов заказчика акции. Впрочем, консультации просуществовали недолго. В них увидела конкурента частная силовая

структура «Кольчуга» (впоследствии «Палитра»), та самая, которой принадлежал гениальный рекламный слоган «Чужую беду на пальцах разведу».

Восемь лидеров, которые когда-то собрались в «Русской Идее» для заключения конвенции, сами один за другим становились жертвами тлеющего передела мира. В этом смысле их судьба ничем не отличалась от судеб остальных авторитетов.

Славик Аврора был вынужден уехать в свое пиренейское шато после того, как у него в руках лопнуло наполненное сжатой краской яйцо (якобы от Фаберже), которое подарил ему на день рождения Костя Варяг. Самого Костю Варяга вскоре после этого со средневековым садизмом разрисовали кисточками-нулевками чеченские отморозки, мстившие за Сулеймана, и вся первая неделя на Мальдивах ушла у него на то, чтобы оттереть пемзой покрывшие все его тело зигзаги несмываемого красного акрила. А уход из бизнеса самого Кобзаря был полон трагического символизма.

Причиной оказалось его увлечение литературой, о котором мы уже говорили в начале нашего рассказа. Кобзарь не только писал стихи, но печатал их, а потом внимательно следил за реакцией, которой, если честно, как правило, просто не было. И вдруг на него обрушилась статья «Кабыздох», написанная неким Золопоносовым из газеты «Литературный Базар».

Несмотря на то что Золопоносов трудился в органе с таким обязывающим названием, он не то что не мог подняться до Базара с большой буквы, а вообще не умел этот самый базар фильтровать. Он ничего не понимал в поэзии и был специалистом в основном по мелкому газетному хамству. Больше того, он не имел никакого понятия о том, кто такой Яков Кабарзин, – стихи, напечатанные в альманахе «День поэзии», были первым, что подвернулось под его дрожащую с похмелья руку.

Есть во всем этом какая-то грустная ирония. Напиши Золопоносов хороший отзыв о стихах Кобзаря, он, возможно, стал бы частым посетителем «Русской Идеи» и получил бы некоторое представление об элите страны, в которой жил. Но он накатал один из своих обычных борзо-зловонных доносов в несуществующую инстанцию, из-за которых, говорят, завернутые в «Базар» продукты портились в два раза быстрее, чем обычно. Особенно Кобзаря возмутил следующий оборот: «а если этот мудила обидится на мою ворчливую статью...»

– Кто мудила? – вскипел Кобзарь, схватил телефон и назначил стрелку – понятно, не Золопоносову, а владельцу банка, к которому по межбанковскому соглашению о разделе газет отошли все издания на буквы от «И» до «У». Было до такой степени непонятно, где искать и за что прихватывать самого Золопоносова, что он был как бы неуловим и невидим.

– У вас там есть один обозреватель, – хрипло сказал он на стрелке бледному банкиру, – который не обозреватель, а оборзеватель. И он оборзел так, что мне кто-то за это ответит.

Выяснилось, что банкир просто не знает о существовании «Литературного Базара», но готов выдать всю редакцию, чтобы только успокоить Кобзаря.

– Я же не хотел брать букву «Л», – пожаловался он, – это Борька сбросил к «М» в нагрузку. А его разве переспоришь? Я, если хочешь знать, слово «литература» вообще терпеть не могу. Его, если по уму, надо написать через «д», потом приватизировать и разбить на два новых – «литера» и «дура». А то какая-то естественная монополия выходит. Не, воздуху я им не дам, пусть не просят. Ты сам подумай – есть у них фоторубрика «Диалоги, диалоги». В каждом номере, тридцать лет подряд. Всякие там Междуляжкисы, Лупояновы какие-то... Кто такие, никто не слышал. И все – диалоги, диалоги... Спрашивается – о чем столько лет пиздили-то? А они до сих пор пиздят – диалоги, диалоги...

Кобзарь мрачно слушал, засунув руки в карманы тяжелого пальто и морщась от обильного банкирского мата. До него начало доходить, что несчастный обозреватель вряд ли мог оскорбить его лично, потому что не был с ним знаком и имел дело только с его стихами – так что и «козел», и «пидор» были, видимо, обращены к тем мелким служебным демонам, которых, по словам Блока, много в распоряжении каждого художника.

– Ну что ж, – буркнул Кобзарь неожиданно для оправдывающегося банкира, – пусть демоны и разбираются.

Банкир опешил, а Кобзарь повернулся и в сопровождении свиты пошел к своему золотому «Ройсу». Никаких распоряжений относительно обозревателя сделано не было, но осторожный банкир лично проследил за тем, чтобы Золопоносова выгнали с работы. Убить его он побоялся, потому что не мог предсказать, как изменится настроение Кобзаря.

Прошло два года. Однажды утром машина Кобзаря остановилась на Никольской у заведения под названием «Салон-имиджмаксерская «Лада-Benz», где работала его юная подруга. Кобзарь шагнул из машины на тротуар, и вдруг к нему кинулся ободранный маленький бомжик с велосипедным насосом в руках. Прежде чем кто-либо успел что-то сообразить, он нажал на поршень, и Кобзаря с ног до головы обрызгало густым раствором желтой гуаши. Бомжик оказался тем самым обозревателем, решившим отомстить за погубленную карьеру.

Кобзарь благородно покачнулся, стер ладонью краску с лица (ее цвет напомнил ему о стакане яичного ликера, с которого все началось) и посмотрел на здание «Славянского Базара». Впервые он ощутил, до какой степени его утомило это грохочущее ничто, в которое он снова и снова шагает каждое утро вместе с прожорливой ордой комсомольцев, воров, стрелков и экономистов.

И тут произошло чудо – перед его мысленным взором вдруг открылся на секунду огромный, каких не бывает на земле, белый с золотом спортивный зал со свисающими с потолка золотыми кольцами – и там, в пустоте между ними, было какое-то невидимое присутствие, по сравнению с которым все славянские и не очень базары не имели ни ценности, ни цели, ни смысла. И, хотя охрана, пиная ногами безвольное тело обозревателя, кричала «Не считается!» и «Не катит!», он закрыл глаза и с силой, с наслаждением рухнул.

На похороны Кобзаря собралась вся Москва. Его открытый гроб целые сутки стоял на заваленной цветами сцене Колонного зала – только один раз, в перерыве, он на несколько минут вылез из него, чтобы перекусить и выпить стакан чаю. Люди в зале аплодировали стоя, и Кобзарь еле заметно улыбался в ответ из своего гроба, вспоминая о том, что пережил вчера на Никольской. Потом мимо по одному пошли люди, с которыми он вел дела, – останавливаясь, они говорили ему несколько простых слов и шли дальше. По условиям конвенции, Кобзарь не мог отвечать, но иногда он все же опускал на секунду ресницы, и проходивший мимо соратник понимал, что понят и услышан.

Несколько раз от особенно теплых слов глаза Кобзаря начинали мокро блестеть, и все телекамеры поворачивались к его гробу. А когда мэр, надевший в тот вечер простую рубаху в крупный сине-красно-зеленый горошек, наизусть прочел собравшимся одно из лучших стихотворений покойного, по щеке Кобзаря впервые за много лет пробежала быстрая слеза. Они обменялись с мэром невидимой другим тихой улыбкой, и Кобзарь вдруг понял, что мэр, несомненно, тоже видел Гимнаста. И слезы, больше не останавливаясь, потекли по его щекам прямо на белый глазет.

Словом, это было запомнившееся всем торжество – омрачило его только известие о том, что обозреватель Золопоносов утоплен неизвестными в бочке с коричневой нитрокраской. Кобзарь не хотел этого и был искренне расстроен.

Утро следующего дня застало его в аэропорту «Внуково». Он улетал прочь налегке, через Украину. В последний раз остановившись у входа, он оглядел машины, голубей, мусоров и таксистов и шагнул внутрь здания аэропорта. В конце общего зала его слегка толкнул невысокий молодой человек, на кисти которого был вытатуирован обвитый змеей якорь и слово «acid». В руке он держал большую черную сумку, в которой от столкновения звякнуло какое-то тяжелое железо. Вместо того чтобы извиниться, молодой человек поднял глаза на Кобзаря и спросил:

– Шо, деловой, шо ли?

В кармане Кобзаря теперь лежал настоящий «глок-27» с пулями «холлоу поинт», который мог поставить (а если точнее, так сразу положить) нахала на довольно далекое место – куда-нибудь к противоположной стене зала. Но за последние сутки что-то в душе Кобзаря изменилось. Он смерил молодого человека взглядом, улыбнулся и вздохнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.